

Информационный потенциал фамилий из произведений Александра Сергеевича Пушкина

Интересную и значимую для понимания образов произведения и для истории антропонимии информацию можно извлечь из фамилии *Ларины*.

Отец Татьяны, Дмитрий Ларин, не был очень богатым и родовитым помещиком. Как разъясняет сам А. С. Пушкин, «он был простой и добрый барин», имел военный чин бригадира, который по значимости в русской армии XVIII века был выше полковника.

Этот чин Дмитрий Ларин, как можно полагать, выслужил, пройдя по лестнице воинских чинов с низших её ступеней. Дело в том, что фамилия *Ларин*, как, впрочем, и фамилия ещё одного пушкинского героя – *Гринёв* – образовалась от простонародного варианта канонического мужского имени: *Ларин* – «потомок *Лари*», то есть *Иллариона*, аналогично *Гринёв* – «потомок *Гриня*» (*Григория*).

Такие фамилии не были свойственны представителям высшей знати и лицам, имевшим разветвлённую родословную. Их имели, как правило, выходцы из простонародья.

В XVI – XVIII веках фамилии сначала дворян и купцов, а потом городских мещан образовывались объективно по общим этноязыковым закономерностям из отчеств с суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин*.

В качестве отчеств выступали образования от мирских имён и прозвищ (*Смирной* – «сын *Смирнов*», *Лемех* – «*Лемехов* сын», *Метла* – «сын *Метлин*», *Булгак* – «сын *Булгаков*», *Пушка* – «сын *Пушкин*», *Лось* – «*Лосев* сын», *Блоха* – «*Блохина* сын», *Хитрой* – «сын *Хитрово*» и т. п.), а также патронимы (именования по отцу), связанные с полной формой христианских имён (*Роман* – *Романов*, *Алексей* – *Алексеев*, *Яков* – *Яковлев*, *Степан* – *Степанов*, *Филипп* – *Филиппов* и т. п.)

Фамилии от многочисленных бытовых и просторечных вариантов канонических личных имён в России стали возникать с конца XVIII – начала XIX века.

В то время при составлении списков рекрутов, набираемых из крепостных крестьян, требовалась обязательная запись фамильного прозвания. У крестьян же такового не было, поэтому в графу «фамилия» заносилась форма отчества от официального христианского имени отца.

В результате появилось очень большое число носителей одних и тех же фамилий, особенно связанных с отчествами от частотных ка-

лендарных имён, в частности, Иванов, Васильев, Петров, Михайлов, Фёдоров, Павлов, Дмитриев, Григорьев и других.

Стремление уйти от однофамильности и привело к практике образования фамилий непосредственно от народных форм христианских личных имён, минуя стадию отчества [1].

Так, если до этого от имени Пётр образовывалась только фамилия Петров, то затем на основе разных неофициальных и неканонических вариантов данного имени стали возможными такие простонародные фамилии, как Петриков, Петраков, Петрунин, Петрухин, Петрушин, Петрачков, Петрищев и другие.

Фамилии Ларин и Гринёв могли возникнуть подобным образом применительно к незнатному человеку не ранее рубежа XVIII – XIX веков.

А. С. Пушкин, описывавший деревеньку провинциального помещика, не мог дать главе семьи нарочито благородную фамилию.

Вспомним, чем занималась мать Татьяны Лариной в своей помещичьей усадьбе: «... Она езжала по работам, солила на зиму грибы, вела расходы, брила лбы...». Родовитые и тем более богатые дворянки, не говоря уже о столичных светских дамах, никогда не выполняли те работы, которые по сути своей были предназначены для прислуги.

С другой стороны, представляя в повести «Дубровский» старинного русского барина, автор вполне закономерно присвоил ему фамилию Троекуров, по всей видимости, понимая её древность.

В исторических источниках, датированных концом XIV века, известен князь Михаил Львович Ярославский по прозвищу Троекур [2]. Заметим, что «фамильные прозвания» большинства представителей высшего света России образовались на основе прозвищных отчеств.

Что значит прозвище Троекур? Кур – это петух, «Перунова птица», посвящённая огню и домашнему очагу. Отсюда связь слов кур «петух» и кур «очаг, дом, род».

Первая часть прозвища Троекур соотносится с числительным три. Число «три», как и другие числа, в прошлом имело сакральное значение. Оно символизировало божественный Разум, знание, духовный порядок, гармонию и совершенство [3]. Не случайно третья буква славянского алфавита (В, в) называлась веди – от ведати «знать, понимать, обладать знаниями, разумом».

Суммируя сказанное, можно сказать, что прозвище Троекур, от которого была образована реальная (не только литературная!) фамилия Троекуров, могла представлять собой в древности языческое имя-

пожелание – пожелание его носителю порядка, гармонии, совершенства в жизни, семье, доме. В связи с именем-прозвищем Троекур интересно отметить болгарские личные имена пожелательного типа Траил и Траян, имеющие значение «чтобы долго жил» [4].

Фамилии таких пушкинских героев, как *Дубровский*, *Минский*, *Томский*, также являются «дворянскими», «помещичьими». Первоначально фамилии на *-ский*, *-цкий* принадлежали высшим слоям общества и образовывались от названий владений.

В дальнейшем такие фамилии могли указывать на место рождения, происхождения предка. В целом, в России фамилии на *-ский*, *-цкий* довольно редки, хотя в позднее древнерусское время и в дальнейшем они активно образовывались от названий княжеств, уделов, наследственных владений, поместий.

От названий княжеств и владений, например, образовались фамилии *Вяземский*, *Мосальский*, *Трубецкой*.

С названиями боярских родовых имений этимологически связаны фамилии *Курбский*, *Оболенский*, *Прозоровский*, *Волконский* и другие.

Правда, в XIV–XV веках именованья на *-ский* /*-цкий* были не собственно фамилиями, а так называемыми «протофамилиями», родовыми прозваниями-титулами, поскольку передавались от отца к сыну как символ территориальной власти.

Когда с середины XVI века стали утверждаться постоянные русские фамилии, в их состав вошли и такого рода наименования [5].

В то время, однако, не все «владельческие» фамилии оканчивались на *-ский*, *-цкий*, многие из них складывались по обычной русской патронимической модели на *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-ын*.

Позднее, в XVIII и XIX веках, русские фамилии на *-ский*, *-цкий* растворились в соответствующих фамилиях украинского, белорусского и польского происхождения. Многим из них свойственно ударение на предпоследнем слоге, характерное для польского языка.

Следовательно, если в фамилии на *-ский*, *-цкий* ударение падает на любой другой слог, кроме предпоследнего, то это может указывать на её русское или, например, белорусское, но не польское происхождение. Впрочем, место ударения не может служить единственным критерием для определения происхождения фамилии.

Редкость русских фамилий на *-ский*, *-цкий* объясняют также системой землевладения в Московской Руси. Наследственных владений

(вотчин) там было немного. Огромные территории занимали так называемые поместья, управлявшиеся помещиками.

Поместья давались царём в награду за службу – военную или гражданскую. После смерти владельца оно отходило в казну и в дальнейшем могло быть передано новому владельцу.

Размеры поместья не были твёрдо установлены, и при переходе к новому владельцу оно могло увеличиваться или уменьшаться в зависимости от разных обстоятельств.

Частая смена землевладельцев мешала созданию фамилий, основанных на названии поместья. К середине XVII века, когда поместья стали наследоваться и были приравнены к вотчине, русские помещики стали дворянами в полном смысле этого слова. Однако к тому времени представители нового дворянства уже обладали постоянными фамилиями, большей частью в обычной патронимической форме.

Совсем иная ситуация складывалась в Речи Посполитой. Здесь издавна дворяне владели имениями, передаваемыми по наследству, и наименования этих дворян (польских и многих ополяченных белорусских магнатов и шляхтичей) закономерно образовывались от названий их имений [6].

Такое происхождение придавало данным фамилиям социальную престижность, в результате чего сначала в Польше, затем в Украине и Беларуси, входивших в состав Речи Посполитой (Украина – частично после казацких войн и русско-польской войны в середине – второй половине XVII века), суффикс *-ск/-цк* распространился в фамилиях иных социальных слоёв, особенно среди буржуазии.

Престиж фамилий на *-ск, -цк*, которые считались польскими и шляхетными, был столь высок, что данный фамильный тип распространился и на другие группы фамилий.

Например, некто *Петров* становился *Петровским*, *Милко* – *Милковским*, *Кернога* – *Керножицким*, а *Скорубо* – *Скорубским*. Поэтому реальное происхождение некоторых фамилий на *-ск, -цк* может быть неясным.

Прототипом пушкинского *Дубровского*, как известно, явился белорусский шляхтич из Игуменского уезда Минской губернии *Павел Островский*. Этот дворянин судился с соседом из-за земельных владений, был вытеснен из имения и, оставшись с одними дворовыми, стал грабить сначала подьячих, потом и других людей.

По другой версии, шляхтич *Островский* имел отношение к восстанию в Польше, Литве и Беларуси 1830–1831 годов.

Фамилия шляхтича Островского была образована от названия его поместья – Остров. По аналогии с этой реальной фамилией Пушкин создал фамилию своего литературного героя – Дубровский.

В наши дни в Беларуси немало носителей именно этой фамилии, которая в большинстве случаев указывает на место рождения её родоначальника – населённый пункт Дуброва, который можно встретить в любой местности. Впрочем, не исключено, что у некоторых носителей фамилии Дубровский предками были как раз белорусские или польские шляхтичи.

Как видим, тема «Пушкинские имена» необычайно многогранна и многоаспектна. Её можно раскрывать не только в сугубо литературном, но и в культурно-историческом аспекте.

© А. Ф. Рогалев. **Имя и образ. Художественная функция имён собственных в литературных произведениях и сказках.** Гомель: Барк, 2007.

Источники

1. Зинин С. И. Введение в русскую антропонию: Пособие для студентов-заочников. – Ташкент, 1972. – С. 202–206.
2. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. – М.: Наука, 1974. – С. 323.
3. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. – С. 390–391.
4. Справочник личных имён народов РСФСР / Под ред. А.В. Суперанской (отв. ред.), Ю.М. Гусева. – 3-е изд., испр. – М.: Издательство «Русский язык», 1979. – С. 526.
5. Унбегаун Б.О. Русские фамилии / Пер. с англ. / Общ. ред. Б.А. Успенского. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–33 и след.
6. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. – С. 10–17.